

Светлана МУЛИНА,
кандидат исторических наук

ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ СИБИРЬ

Сегодня польский бунтовщик, а завтра русский земледелец...

Оправляя в западносибирскую ссылку около десяти тысяч участников Польского восстания 1863 года, власти Российской империи официально не преследовали целей колонизации. Но бессрочность наказания, проживание на селе, приписка к сословию государственных крестьян — всё это предусматривало для поляков практически единственный способ влиться в местное общество — «окрестьянивание». Имперский опыт колонизации азиатских окраин России позволял надеяться на то, что поляки в Сибири, подобно белорусам и малороссам, утратят национальную идентификацию и сольются на основе славянской общности. «Сливаясь мало-помалу с русским населением», поляки должны были превратиться «из нарушителей законного порядка в мирных и полезных членов общества»¹.

В деле перевоспитания политических преступников власти делали ставку на патриархальность русского крестьянства, благотворное воздействие русской культуры. Тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович докладывал: «Столкнувшись с русскою жизнью, увидевши собственными глазами величие и гигантскую силу России, о которых они не имели и понятия, поляки отрезвляются, мирятся со своей участью и нередко сами смеются те-

перь над ничтожеством своих недавних усилий»². По соображениям безопасности число польских переселенцев в каждой деревне не могло превышать 5–10 процентов от числа коренных жителей.

Важным шагом на пути превращения врагов империи в русских земледельцев являлось обзаведение хозяйством и «сближение с земледельческим трудом». Именно труд должен был обратить человека на путь истины и создать из него «живого и производительного члена общества». Ссылные, которые «при самом вступлении в новую жизнь случайно вталкивались в известный круг деятельности, промышленной, хозяйственной или служебной, — писал Деспот-Зенович, — сразу отрезвлялись, теряли свой исключительный оттенок, понятия их постепенно космополитизировались, жизнь со всею своею мелочностью обхватывала их всецело, и не только они мирились с настоящим, но оно их поглощало безвозвратно»³.

На деле же процесс «окрестьянивания» польских ссылных шёл очень медленно. Попав в деревню, поляки обычно не желали обзаводиться хозяйством и заниматься сельскими работами. В 1868 году среди повстанцев, водворённых в Мариинский округ, пособие на домооб-

Во дворе каторжной тюрьмы.

заводство получили только 32,4 процента, а в Томском — 14,6 процента⁴.

Поляки рассматривали Сибирь как «почтовую станцию, какой-то временный переезд, одну из минутных остановок их жизни»⁵. Надежды на возвращение росли параллельно с появлением правительственных распоряжений о смягчении участи той или иной категории ссылных. Так, восточносибирская администрация отмечала, что после высочайшего повеления 13/25 мая 1867 года поляки «начали менее деятельно заниматься хозяйством». Некоторые ссылные распродали и побросали арендованные пашни. Ротмистр Муравьёв докладывал, что в Минусинском округе в 1868 году из 376 политических преступников, занимающихся хлебопашеством, только 51 человек может считаться самостоятельным хозяином, так как приобрёл дом. Большая часть остальных смотрит на хлебопашество, «как на аферу». Сами поляки не обрабатывают, арендуют уже засеянные или нанимают крестьян для обработки земли, расплачиваясь в основном семенами. Ожидание амнистии усиливалось в преддверии крупных событий в царствующем семействе. Неизвестный доносчик свидетельствовал, что 8 ноября 1866 года, в день предполагаемого бракосочетания наследника, поляки ожидают амнистию, и если высочайшая милость не последует, то все поголовно намерены

восстать. Впрочем, следов заговора не обнаружили⁶.

В Сибири поляки ощущали себя чужеродным элементом, и в городах, и в сельской местности. «Попасть нам в здешнее общество немислимо. Мы совершенно чуждые среди здешних жителей», — фиксировал М. Жаба, состоявший на жительстве в Кургане. «...Мы чужды в этой стране», — вторил ему Егор Шалтанис, водворённый в селе Старые Кулики Каинского округа. Ссылные постоянно подчёркивали культурную дистанцию между собою и сибиряками. «Влекомый любопытством, пошёл я в амбар, преобразованный в театр, — иронизировал Жаба, — и, ручаюсь вам, выпался бы хорошо, если бы меня не будили выкрикивания актёров на сцене⁷. «Везде отупелость и мрак», — констатировал польский ссыльный в Тобольске. «Одним словом, дорогой брат, возьми себе за... правило, как можно менее доверяться сердцем перед тамошними /омскими/ жителями; помни всегда, что ты в Сибири⁹, — советовал проживавший в Петербурге Гутиновский менее удачливому родственнику, сосланному в Сибирь.

В сельских условиях культурная дистанция между поляками и русскими оказалась ещё более глубокой. «При всех не

В мастерских тюремного замка.

способствующих здоровью условиях более сносной является жизнь в городе, — отмечал Корнелий Желёнка, — где легче морально и интеллектуально перевести дух, нежели в деревне, в здешнем крае, где всё оборачивается убийством моральности и умственным отупением¹⁰. В условиях сибирской деревни конфликт русской и польской культур накладывался на конфликт крестьянской и городской цивилизации. По нашим подсчётам, только 21,6 процента поляков, отбывавших наказание в округах Западной Сибири, принадлежали к крестьянскому сословию¹¹. Чувство цивилизационного превосходства усиливалось пренебрежением горожан к сель-

скому труду. «В деревне Хохловой Омского округа, — докладывал полковник корпуса жандармов В. П. Рыкачёв, — один поляк нанялся к крестьянину возить сено. За это соотечественники его побили, заявив, что «они присланы в Сибирь вовсе не для того, чтобы быть работниками сибирских крестьян¹². «Польский гонор», «шляхетские непомерные требования», «шляхетная фантазия» вызывали неудовольствие местного начальства. «Мацкевичевым почему-то образовилось, — доносил тарский окружной исправник, — что по прибытии их

в волость все волостные начальники будут к их непременно услугам и доставят им все способы к проживанию¹³. Со своей стороны сельская администрация считала вполне естественным употреблять по отношению к полякам такие эпитеты, как «воры», «мошенники», «бунтовщики».

Критический взгляд ссыльных на принимающее общество преодолевался с трудом. Даже будучи вхож в дома к местным жителям, где его неплохо принимали, Жаба с завидным упорством продолжал выискивать недостатки сибиряков: «Нет той сердечности, которая характеризует наши польские дома, где человек проводит время с пользой для сердца и ума, и это потому, что не только сплетни составляют тему разговора...»¹⁴ Прочным оказывался созданный романтиками яркий, эмоциональный образ Сибири как страны, оставленной богом. Заменяв в польской поэзии античный Тартар и средневековый ад¹⁵, Сибирь предоставила ссыльным для описания окружающей среды целый набор соответствующих литературных штампов. В результате жандармы становятся «церберами», неперемный заседатель — «сатаной», плац-майор — «сущим Люцифером», а сами повстанцы предстают «смутными», «скучными» и даже «упырями».

Примечательно, что ссыльных поляков удивляло в сибиряках то же, что и жителей центральных российских губерний. Превосходство сибиряка перед просто россиянином отмечал автор многоотной истории восстания 1863 года Агатон Гиллер¹⁶. «Люд тут везде красивый, крепкий и здоровый, славянского типа, а следовательно, пришлый»¹⁷, — сообщал свои первые впечатления о сибиряках Руфин Пиотровский. Польской шляхте импонировали свобода общин, отсутствие в Сибири помещиков, что делало эти места похожими на США. Если сравнение России и Польши выглядело как столкновение противоположностей, непримиримых начал, то, сравнивая Сибирь со своим оте-

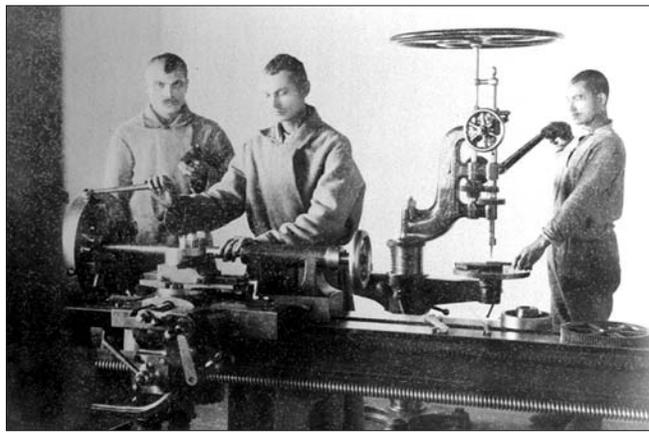
М. Знаменский. Арестант. 60-е годы XIX в.

чеством, поляки отмечали не только различия, но и сходства. Оценивая действительность «польскими мерками», повстанцы находили Польшу и там, где её не было и в помине. Сибирский уездный город у Жабы оказывается похож на польские уездные города, сибирские татары у Пиотровского — на польских евреев. Но всё, что выбивалось из цепочки польско-сибирских синонимов, оказывалось элементом Востока и приобретало негативную окраску. С одной стороны, «невъизучимо учтивый» комендант Тары, владеющий польским языком, лучше родовитого поляка, а с другой — «татарская физиономия» тобольского губернатора «без единого пятна разума или благородства»¹⁸.

Но со временем реальность начинала противоречить стереотипным установкам. Например, большое место в письмах ссыльные уделяют описанию природы. При этом поляков удивляет не зимний сибирский холод, а летняя жара резко континентального климата. «Не можете вообразить, — пишет Жаба из Кургана, — какая тут господствует жара, в полдень нельзя выйти на улицу — все окна, выходящие на солнце, закрываются ставнями, и, несмотря на это, человек обливается обильным потом». Ссыльные отмечают плодородие почв, богатство природы и ландшафта, способность сибиряков выращивать дыни и арбузы. В результате край зимы и снегов, где «дикие братья и земля и народ», где «лёд висит с глаз каждого жителя», преобразуется в «Сибирскую Италию», страну прекрасную и удивительно урожайную. «В Сибири климат очень здоровый»¹⁹, — писал К. Боровский, ни разу не болевший в течение своего пятилетнего пребывания в регионе.

Сибирь поляков удивляла, восхищала, вызывала любопытство. Но перспектива оказаться российским крестьянином неизменно пугала. Поляки неохотно брали пособие на домообзаводство, опасаясь, что это станет препятствием для их возвращения на родину, наличие земельного участка ассоциировалось с крепостничеством. К тому же поляки и понятия не имели о том, «как работают хозяева сибиряки»²⁰.

Трудно произошло сближение переселенцев со старожилами. Дело осложнял земельный вопрос. «По всем 11 волостям, проеханным мною, — докладывал коллежский советник М. Попов об итогах проверки Омского округа, — не было конца жалобам старожилов крестьян

В мастерских тюремного замка.

ян на переселенцев и обратно, поляков на старожилов, в особенности относительно земель и лесов». Старожилы жаловались, что поляки настойчиво требуют распаханной земли, и при том, чтобы отвод таковой был как можно ближе к деревням. В свою очередь поляки говорили, что старожилы обращаются с ними грубо, дают им выпханную землю или целину, на далёком расстоянии от деревни. В Карасукской волости недовольство старожилов вызывало то, что поляки вырубали леса на продажу, а после вновь требовали отвод лесных участков.

Старожилы считали поляков работниками «весьма плохими», и если нанимали их на работу, то в основном пасти скот, а зажиточные крестьяне — как мастеровых. Были случаи, что крестьяне отказывали ссыльным в каких бы то ни было занятиях, уклонялись от всяких контактов с ними. Поляки, проживающие в деревнях, — докладывал полковник корпуса жандармов В. П. Рыкачёв, — «не занимаются ровно никакими работами. Они проводят время в праздности, ходят взад и вперёд и поют песни! Между тем крестьяне кормят этих поляков и не получают за это ровно никакого вознаграждения»²¹. В действительности крестьянам, содержавшим поляков, казна что-то выплачивала, а именно 10 рублей в год. Но в целом массовая польская ссылка поставила старожилов в весьма затруднительное положение. Не случайно на характер отношений ссыльных с местным населением влияло количество ссыльных. По мнению административца, «в тех деревнях, где поселено поляков лишь несколько человек, там они по необходимости начинают прилаживаться к быту старожилов и живут трудолюбием, смирные, не кичась своим развитием перед старожилами, а последние, видя с их стороны желание трудиться, дружелюбнее относятся к ним. Зато в тех местностях, где поселено

в одной деревне более одного или двух десятков, царствует полный разлад»²².

Процесс обрусения тормозила ориентация поляков на внутринациональные браки. Отрицательное отношение ссыльных к браку с православной наиболее ярко обнаруживается в польских обществах вспомоществования, непременным пунктом устава которых являлось требование: не иметь связей с развратными женщинами и не вступать в брак. Так, в письме, изъятом полицией у Ксаверия Сосулича, женитьба на «сибирских развратницах» названа «публичной насмешкой над религией и чувствами вырубленного народа», преступлением, за которое нет прощения, бесчестьем. «Дмоховский сошёл с ума: женился на какой-то кацапке...»²³ — с возмущением писал ссыльный Мицкевич. Польские тайные организации возражали даже против внебрачных связей польских ссыльных с русскими женщинами. «Если доследят, кто имеет девку, сейчас предадут его общественному суду»²⁴, — жаловался Владимир Подвиньский на нравы польской организации в Ялуторовске. За сексуальные пристрастия из общества часто выгоняли. Исключили из организации и самого Подвиньского, поскольку тот взял себе содержанку.

В польской литературе «невольный целибат» ссыльных соотечественников, факты сдержанности в любви к женщинам иного вероисповедания рассматривались как положительный фактор, а примеры смешанных браков оправдывались жизненной необходимостью, лишённой чувств и романтизма. Так, З. Либрович о повстанцах 1830–1831 годов писал, что «если кто и женился на русской, то по большей части... единственно для того, чтобы было кому стирать бельё и готовить есть»²⁵.

Сибирские власти в сожительницах поляков видели не «развратниц», а «наложниц». Доминирование в среде польских ссыльных мужского элемента позволяло властям увидеть в поляках «опасность разврата». «В редких деревнях нельзя встретить, чтобы поляки не имели у себя так называемых стряпок, по большей части солдаток, крестьянских вдов или поселенок, или просто крестьянских дев сомнительного поведения, и нередко даже из других округов»²⁶.

Статистику «польского разврата» зафиксировать сложно. По результатам обследования населения Томска с 1 января 1884 по 15 июля 1887 года выяснилось,

что поляки болели сифилисом сравнительно мало. Но почему, автор исследования врач А. Макушин так и не смог объяснить: «...может быть, вследствие большей культурности, если сравнивать их с массой томского населения, а может быть, меньшего заболевания и нет, а дело можно объяснить выездом части из них после 80 года на Родину»²⁷.

В целом, если верить местной администрации, процент поляков, женатых на сибирячках, был «весьма ничтожный». Между тем смешанный брак способствовал адаптации. Повстанцы, женившиеся в Сибири, чаще брали деньги на домообзаводство, как правило, находились в месте причисления, занимались хлебопашеством либо другими крестьянскими работами.

Ещё одним обязательным пунктом уставов польских обществ вспомоществования было требование трезвой жизни. Оно несло на себе не только этическую нагрузку. Видимо, пристрастие к алкоголю в глазах поляков являлось неотъемлемым пунктом коллективного имиджа сибиряков. Ещё раз послушаем Жабу: «Народ ленивый, пьянство укоренилось до высочайшей степени, нравственности никакой... главное занятие здешнего общества... — это карты и бутылка...» «Они пьют «запоем», — удивлялся З. Кердей, — то есть несколько дней или недель без перерыва». Видимо, образ пьяного сибиряка был известен в Польше. Иначе как объяснить опасения Э. Рывданского, высказанные в письме к супруге: «Думал, отъезжая в Сибирь, что буду пьяница, но, слава богу, он не допустил меня до того».

Несмотря на отрицательное отношение к вину, польские ссыльные удачно реализовывали себя в питейном бизнесе. Рывданский, одолив несколько десятков рублей, стал торговать вином в двух кабачках, в одном сидел сам, а в другом посадил сидельца. При этом он предполагал, что его супругу огорчит известие о том, что он «сделался целовальником».

И всё же пьянство получило распространение среди ссыльных. Сторонника

строжайшего воздержания от алкоголя Бенедикт Дыбовский уверял, что пьянство и картёжничество были распространены среди поляков так же, как у российских чиновников и попов. «Принуждённое бездельничанье годами в местах заключения; развитие страсти к азартным играм; систематическое искоренение в заключённом всякой воли и развитие пассивных сторон характера»²⁸, — все эти черты, зафиксированные П. А. Кропоткиным на материалах уголовной ссылки, можно отнести и к ссылке польских повстанцев. Зачастую пропитым оказывалось и пособие на домообзаводство. Полностью промотали пособие переселенцы Богородской волости: А. Яворский, Ю. Савинский и П. Гембич. Из 1141 водворённых в Ишимском округе поляков к 1 октября 1867 года только 600 человек (52,6%) получили пособие на домообзаводство. Из них 64 человека завели жилые избы, 35 — обзавелись инструментами для различных ремёсел, 3 — приобрели медикаменты, около 100 — купили лошадей и рогатый скот, а остальные 66 процентов пособие промотали²⁹.

Азартные игры и водка были не единственной причиной непроизводительной траты ссыльными пособия. На пороки поляков местное волостное начальство зачастую пыталось списать собственные злоупотребления. Это хорошо демонстрирует случай с польскими переселенцами Колмаковской волости Омского округа С. Голубовским и В. Палкой. Они обратились с жалобой к генерал-губернатору Западной Сибири А. П. Хрущову на несправедливые действия волостного начальника. Омский исправник, проведя разбирательство, отрапортовал наверх, что вышеупомянутые переселенцы полученное пособие частично употребили на домообзаводство, а частью пропили. Генерал-губернатора отчёт не удовлетворил. По тому лишь факту, что исправник не указал точное количество пропитого пособия, Хрущов решил, что разбирательство проведено небрежно, даже пристрастно, и расследование возобновилось.

В целом из-за злоупотреблений земской полиции в Ишимском округе в конце 1867 года оказалось около 400 польских переселенцев, не имеющих ни крова, ни средств к пропитанию. По мнению сибирских властей, «вся эта масса искусственно созданного пролетариата состоит из людей весьма сомнительной нравственности без всяких убеждений, которые, если не будут приняты в своё время меры к устройству их быта, не останутся ни пред какими средствами к приобретению насущного хлеба». Оставшись без жилья и средств к жизни, ссыльные селились у соотечественников по 10 и более человек, питаясь подаванием старожилов.

Из 336 поляков Омского округа, получивших пособие на домообзаводство и непроизводительного его растративших, 30 процентов находились в бегах и неизвестной отлучке. По данным Томского округа на 1868 год, только треть польских переселенцев, взявших пособие на домообзаводство, занималась сельскими работами (5 процентов всех водворённых в округе поляков)³⁰. Их с большой долей условности можно причислить в разряд «окрестьянившихся», так как часть из них растратила пособие и вынужденно занималась сельскими работами по найму.

Таким образом, власти так и не смогли создать условия для превращения польских ссыльных в русских земледельцев. Сложно сказать, что в большей степени препятствовало «окрестьяниванию»: отсутствие установки на инкорпорацию в принимающее общество, культурная дистанция между поляками и сибиряками, городской характер ссылки повстанцев, напряжённые отношения со старожилами или просчёты в политике правительства. В любом случае невозможность отыскать собственную экономическую нишу в условиях сибирской деревни препятствовала адаптации поляков, превращала их в маргиналов, способствовала распространению в польской диаспоре ориентации на изоляцию от принимающего общества.

г. Омск

Примечания

1. Макаров А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западных губерний после мятежа 1863 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. 1913–1916. Вып. 21. С. 3–4.
2. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 129. Л. 39.
3. ГУ ГАОУ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5727. Л. 21.
4. Там же. Оп. 6. Д. 8960.
5. Там же. Оп. 4. Д. 5727. Л. 19 об. — 20.
6. Там же. Оп. 13. Д. 18498.
7. М. Жаба — брату. Курган. 20 августа 1866 г. // Там же. Оп. 6. Д. 7921. Л. 545 об.
8. Уточнение сделано подпоручиком Плешковым, автором аннотации документов на польском языке, изъятых при обыске у Ф. Мурашко, В. Возбуна,

А. Орловского.
9. Гутиновский — брату. Санкт-Петербург. 1864 г. // ГАРФ. Ф. 109. Приложения к делам III Отделения. Оп. 214. Д. 288. Л. 6 об. 10. Цит. по: Новинский Ф. Поляки в общественной и хозяйственной жизни Иркутска в 60–70-х гг. XIX в. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск. 2001. С. 41.
11. Мулина С. А. Участники Польского восстания 1863 г. в западносибирской ссылке. Дис. канд. ист. наук. Омск. 2005. С. 220.
12. ГУ ГАОУ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6221. Л. 3 об. — 4.
13. Там же. Оп. 9. Д. 13641. Л. 38 об. — 39.
14. М. Жаба — N.R.D. Курган // Там же. Оп. 6. Д. 7921. Л. 520.
15. Пилсудский Б. Поляки в

Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М. 2002. С. 29.
16. См.: Шостакович Б. С. Формирование в XIX веке польского стереотипа восприятия Сибири и сибиряков // Поляки в Сибири. Иркутск. 1995. С. 21–27.
17. Pamietniki z pobytu na Syberji Rufina Piotrowskiego. T. II. Poznan. 1861. S. 193.
18. Lubicz-Chojeccki K. Pamiec dziel polskich. Podroz i niepomyalny sukces Polakow. Bagno; Warszawa; Wroclaw. 1997. S. 72; Wolicki K. Kibitka na Sybir // Zeslanie i katorga na Syberii w dziejach Polakow 1815–1914. Warszawa. 1992. S. 224.
19. Borowski K. Na obcym chlebie // Kuczynski A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wroclaw. 1998. S. 197.
20. Ibid. S. 195.
21. ГУ ГАОУ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6221. Л. 3 об.

22. Там же. Оп. 6. Д. 7883. Л. 166 об. — 167.
23. Мицкевич — товарищу. Ишим. 25 мая 1866 г. // ГАРФ. Ф. 109. Приложения к делам III Отделения. Оп. 214. Л. 3 об.
24. В. Подвинский — Э. Корндко. Ялуторовск. 8 марта 1865 г. // ГУ ГАОУ. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18517. Л. 5 об.
25. Librowicz Z. Polacy w Syberii. Krakow. 1884. S. 121.
26. ГУ ГАОУ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7883. С. 165 об. — 166.
27. Макушин А. Венерические болезни в Томске с 1884 до 1890 года // Труды Томского общества естествоиспытателей. Год третий. С. 9.
28. Кропоткин П. Собр. соч. Т. 2. Ссылка в Сибирь. СПб. 1906. С. 21.
29. ГУ ГАОУ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7883. Л. 40 об. — 41.
30. Там же. Д. 8960.